

РЕСТОРАН «У Розова» на Таймс-сквер в Нью-Йорке внешне ничем не примечателен: архитектура — банальная, кухня — посредственная. И тем не менее он считается самым таинственным и самым магическим среди всех кабаков Вавилона-на-Гудзоне, как принято величать Нью-Йорк в публицистических эссе. Здесь, «У Розова», пять дней в неделю собираются фокусники, факиры, маги и иллюзионисты, что, впрочем, для нас, непосвященных, одно и то же, и, сгрудившись вокруг так называемого «Волшебного стола», демонстрируют друг перед другом свои последние изобретения.

«Волшебный стол» притягивает к себе и профессионалов, и любителей. Наряду с циркачами здесь можно встретить бизнесменов, юристов, врачей, инженеров, шулеров, «медвежатников», короче, людей любого ремесла, только-только зараженных или давно неизлечимо больных высокой болезнью магии.

— Кто самый великий маг Нового Света? — спросил я как-то Эдварда Мишелла, президента Национального общества американских иллюзионистов.

— Наивный вопрос! — мистер Мишелл расхохотался. — Если я громкогласно провозглашу: «Самый великий маг Нового Света, прошу встать!» — то все до единого джентльмены, увлеченные сейчас трапезой, сорвутся со своих мест как угорелые. Хотите, попробуем?

Я упрямился мистера Мишелла не делать этого...

Но вот тридцатого октября прошлого года на провокационный вопрос: кто самый великий маг Нового Света? — навсегда «У Розова» единодушно отвечали:

— Конечно, Гарри Гудини.

моргали его. Они стали упрашивать Амадео Вакка повторить церемонию.

— Согласен, но при условии, что кто-нибудь из вас восстановит целостность «Сломанной стены», — сказал с лукавой усмешкой 82-летний ученик чародея.

Разумеется, никто из фоторепортеров не сумел воссоединить «осколки разбитого вдребезги». Тогда старик попросил двоих из них приложить друг к другу обе половинки расколотой плитки. Репортеры повиновались. Вакка тоже ухватился за плитку.

— А теперь отдайте ее мне, — приказал он «фотошникам».

Репортеры выпустили свои половинки, и плитка, целая и невредимая, осталась в руках фокусника. Он самодовольно крикнул, дал репортерам нацелиться и вновь продемонстрировал им «Сломанную стену»...

— Все это чепуха по сравнению с тем,

рый бросала фокуснику фирма «Вильям Кнабе энд Ко». Эта фирма славилась производством роялей и пианино. Ее владелец — некто Роберт Пайнтер призывал Гудини «проверить надежность нашей упаковки». Согласно условиям, маэстро приковывался цепями к стулу, а стул помещался в обшитый цинком контейнер. Газетная вырезка, датированная 25 сентября 1906 года, повествует о том, что король эскапистов пострадал фирму «Вильям Кнабе энд Ко». Он выбрался из герметического цинкового футляра в течение считанных минут на глазах у всего честного народа.

Подобное паблисити пришлось не по вкусу мистру Пайнтеру, и он предъявил претензии упаковочной фирме «Братья Мэндель», поставившей контейнеры для его поющей продукции. Возбешенные братья в свою очередь вызвали на дуэль Гудини. Его вновь упрятали в цинковую душегубку и обзавали выбирать, «не нарушив целостности лица». И вновь победил фокусник. Он вылез из западни, оставив ее в девственном виде — без единой вмятины или царапины.

Гарри Гудини называли «сверхнеудержимым». Он даже обогатил английский язык новым глаголом «houdinize» — «гудинизироваться», то есть выпутаться, вернуться, выскользнуть. Да, никто в мире не умел выпутываться, вывертываться и вы-

положения, из любой тюрьмы любого города Нового Света и Старого. Не смогли удержать его и стены Бутырской тюрьмы в Москве. (Гудини гастролировал в России в 1903 году). В письме Жану Кароли, издателю парижского журнала «Иллюзионист», Гудини вспоминал: «Вчера вечером я освободился из камер той тюрьмы, из которой заключенных пересылают в Сибирь. Меня раздели донага. Безрезультатного обыска, которому меня подвергли агенты русской тайной полиции, я никогда не забуду. Мне приходилось испытывать ту же операцию в полицейских участках почти всего мира, но подобного варварства я не видел нигде».

Мастерство Гудини имело несколько слабых мест. Он великолепно владел и слесарным искусством, и своим телом. Король эскапистов мог с одинаковой легкостью стать и королем взломщиков, и королем йогов. Он складывал свои суставы, словно лезвия перочинного ножа; вздувал и ослаблял мускулы, словно камеру футбольного мяча; мог, наконец, поспорить силой легких с любым ныряльщиком — охотником за жемчугом.

Но отмычкой и мышцами владели многие, а Гудини был один. Здесь вступало в права третье слабое место — артистизм. Гудини, как никто другой, умел создавать то, что по-английски именуется «suspense» и довольно неопределенно и ослабленно переводится как «тревога», «беспокойство», «напряженное ожидание».

Маэстро строил свои номера, как детективные романы с неожиданной развязкой — катарсисом. Недаром он брал за прототип Арсена Люпена, героя приключенческих книг Мориса Леблана; недаром он дружил с Артуром Конан Дойлем, создателем Шерлока Холмса.

— Играть паузу во сто крат труднее, чем произносить текст. Мастерство антера проверяется паузой. Никто в мире, даже Сара Бернар, не мог сравниться с Гудини в искусстве паузы, — вспоминает Амадео Вакка. — Он позволял себе, казалось бы, неслыханные вещи. Однажды маэстро заставил аудиторию просидеть целых шестьдесят три минуты, глядя на театральную сцену, где ничего, ровным счетом ничего не происходило. Просто у рампы стоял ящик, в котором сидел Гудини. Никто не шел, никто не покинул зрительного зала. Когда наконец маэстро явился народу, публика, словно осатаневшая, бросилась на сцену и вынесла его как триумфатора на руках из театра. Позднее я спросил Гудини, почему он ломал комедию шестьдесят три минуты, а не шестьдесят или, скажем, шестьдесят шесть? «Интуиция», — ответил маэстро, — шестое чувство, динтующее мне золотую середину между «недо...» и «пере...».

Гарри Гудини не утратил эту изумительную интуицию, даже переселившись в мир иной. Любители иллюзионистского искусства, а их на земном шаре миллионы, уже не шестьдесят три минуты, а целые десятилетия ждут в состоянии крайнего suspense открытия сейфа, в котором хранятся загадки магических трюков Гудини. Согласно последней воле маэстро, сейф, пылящийся в одной из нотариальных контор Нью-Йорка, должен быть открыт 6 апреля 1974 года, когда исполнится ровно сто лет со дня рождения Гудини.

— Интересно, что же все-таки спрятано в этом сейфе? — спрашиваю я Вакка. — Как что? Очередной фокус маэстро. Потерпите — узнаете. Я, например, не очень-то удивлюсь, если в запечатанном пакете окажется приглашение вскрыть его могилу и убедиться, что она пуста. Маэстро был великий выдумщик. Он мог обмануть саму Смерть, — отвечает Амадео Вакка.

Старик, видимо, не так уж далек от истины. Недаром в тот же день под вечер рыцари «Волшебного стола» поднимают «У Розова» бокалы за бессмертное искусство короля эскапистов.

Мэлор СТУРА.

НЬЮ-ИОРК — МОСКВА.

НА СНИМКЕ: у памятника Гудини его последний ассистент Амадео Вакка.

надо же!

ГАРРИ ГУДИНИ КОРОЛЬ ЭСКАПИСТОВ

В тот день встреча вокруг «Волшебного стола» была посвящена памяти непревзойденного специалиста по «освобождению из оков», короля эскапистов маэстро Гудини, умершего в 1926 году.

Поминки Гудини — ежегодный ритуал. Тот, на котором я присутствовал, был сорок шестым по счету. После торжественной церемонии мистер Лэрри Аркури, дежурный председатель «Волшебного стола», обратился к собравшимся с призывом синхронизировать часы. Процедура заняла какое-то время. Фокусники, факиры, маги и иллюзионисты никак не могли договориться о показателях своих секундомеров, и мистру Аркури пришлось несколько раз выкрикивать исходное положение стрелок.

Президент общества шепотом объяснял мне смысл церемонии и причину препирательства:

— Маэстро Гудини умер днем — в двадцать шесть минут второго. Мы должны добраться до «Розова» до кладбища Мэчпела в Квинсе, где похоронен Гудини, таким образом, чтобы дотронуться до его надгробного памятника точно в двадцать шесть минут второго. У каждого из нас свой транспорт и свой маршрут. Победителем выйдет тот, кто окажется у памятника в срок, наиболее приближенный к этому времени...

Победил Амадео Вакка, 82-летний иллюзионист, последний ассистент Гудини. У меня сложилось впечатление, что его победа была подстроена умышленно. Повидимому, другие участники состязания решили потрафить маститому коллеге и к тому же единственному из оставшихся в живых, рыцарю «Волшебного стола», работавшему с самим великим маэстро.

Так или иначе, но Амадео Вакка был признан победителем. Он произнес краткое проникновенное слово об учителе и совершил церемонию «Сломанная стена», символизирующую поражение магической силы иллюзиониста в борьбе со Смертью. Мистер Вакка слегка ударил по уже надтреснутой плитке, и та раскололась на две равные половинки. Священнодействие длилось всего мгновение, и газетные фоторепортеры про-

что творил великий маэстро, — рассказывал после церемонии Амадео Вакка. — Я работал с Гудини три года. В мои обязанности входило устанавливать на сцене аппаратуру и одновременно отвлекать внимание зрителей от «трюкового запала». Суть магии состоит, в частности, в том, чтобы выдавать существенное за несущественное и наоборот. (Замечу в скобках, что это искусство — привилегия отнюдь не только иллюзионистов).

С кладбища фокусники, факиры, маги и иллюзионисты отправились, уже не сверяя часов, в Линкольн-центр, где в помещении Библиотеки театрального искусства состоялось открытие выставки, посвященной Гарри Гудини. Выставочный зал напоминал гибридную скобяную лавку и камеры пыток лондонского Музея восковых фигур мадам Тюссо. (Подлинных камер пыток мне, к счастью, не доводилось видеть). Со стен свисали кандалы, наручники, цепи, веревки, смиренные рубашки, деревянные колодки, тиски и прочие аксессуары средневековья, равно как и более ранних и поздних эпох. Под стеклянными колпаками маялись всевозможные замки, запоры, щеколды, засовы, гвозди, шурупы, молотки, поржавевшие от времени и бездействия.

С поржавевшими орудиями нечеловеческих пыток и человеческой скупности мило корреспондировали помелетевшие афиши. Одна из них гласила: «Любой посетитель имеет право принести с собой молоток и гвозди и вонзать их в качестве дополнительной предосторожности в гроб фокусника». Другая афиша была выдержана в форме вызова, кото-

скальзывал, как Гудини. А ведь никого в мире не связывали, не сковывали, не заколачивали, не замуровывали и не топили столь часто, как Гудини. Но он неизменно обретал свободу.

На памятнике великому маэстро в Мэчпела крупными буквами высечено: «Гудини. Президент, 1917—1926». Эти буквы и цифры сразу же бросаются в глаза. Но на мраморном монументе имеются другие буквы и цифры, которые сразу не обнаружишь: «Эрих Вейс, 1874—1926». Гарри Гудини, король эскапистов, президент Национального общества американских иллюзионистов, и Эрих Вейс, сын талмудиста, — одно и то же лицо.

Свой первый побег Гудини совершил, когда ему было всего девять лет. Бежал он из дому, от отца, готовившего мальчика к карьере раввина. Годы скитаний — сначала с бродячим цирком, затем с артелью слесарей — закаляли его тело и отточили смекалку. Феерический взлет Гудини — он стал звездой цирка еще в юношеском возрасте — можно сравнить лишь с его головокружительными падениями с небоскребов и мостов. Взлет был метафорическим, падения — всамделишными. Закованный в наручники и кандалы, заштырь в мешок или связанный путами, захлопнутый в сейф или заколоченный в гроб, Гудини неизменно являлся публике свободным, как ветер.

Таланты короля эскапистов подвергались испытаниям не только «человеком из публики». Экзаменаторами Гудини выступали и профессионалы-тюремники. Но он выходил с честью из любого